

9 августа 1975 года скончался Дмитрий Шостакович. По воле Сталина композитор ОКАЗАЛСЯ ПРИЧАСТЕН К СОЗДАНИЮ ГИМНА

ОЖИДАНИЕ ПРИГОВОРА В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

Маск.Новости. — 2001 — 6 — 12 авг. — с. 18.

ПРАВЫ

Соломон ВОЛКОВ

Еще с революционных времен роль гимна большевистской России исполнял французский «Интернационал». В 1943 году Сталин решил, что для Советского Союза нужен другой, более соответствующий обстоятельствам и изменившимся политическим амбициям государственный гимн. Создали специальную правительственную комиссию во главе с маршалом Климентом Ворошиловым (известно было, что он любит музыку и является обладателем небольшого, но приятного тенора), объявили конкурс на новый текст и музыку для гимна, отпустили под это большие деньги. В комиссию посыпались предложения от сотен претендентов, среди которых были самые известные в стране поэты: Демьян Бедный, Михаил Исаковский, Николай Тихонов, Михаил Светлов, Евгений Долматовский. В списке композиторов выделялись имена Сергея Прокофьева, Дмитрия Шостаковича и Арама Хачатуряна.

Поздней осенью 1943 года из всех представленных на конкурс текстов Сталин, державший все это предприятие под своим пристальным наблюдением, отобрал стихотворение, сочиненное молодыми поэтами — русским Сергеем Михалковым и армянином Габриэлем Урекляном (печатавшимся под псевдонимом Эль-Регистан). Всем композиторам было предложено написать музыку на эти слова, тщательно отредактированные самим Сталиным. Заключение прослушивания гимнов-претендентов были организованы в Большом театре. Они проходили в присутствии Сталина и других членов Политбюро. Каждый гимн звучал сначала в исполнении хора (Краснознаменный ансамбль песни и пляски Красной Армии под управлением авторитетного композитора и сталинского любимца Александра Александрова), затем оркестра Большого театра и в заключение — хора вместе с оркестром. Кроме гимнов-претендентов, для сравнения также исполнялись «Интернационал», «Марсельеза», британский гимн и — самое пикантное — строго-настроено запрещенный символ дореволюционной России: «Боже, Царя храни» — гимн, сочиненный в 1833 году по личному заказу Николая I Алексеем Львовым, бывшим адъютантом графа Бенкендорфа и будущим генералом и директором Придворной певческой капеллы.

В пустом зрительном зале сидели Шостакович и Хачатурян, чьи гимны вышли в финал. Они были взвинчены: пурпурный бархат и позолота убранства недавно отремон-

тированного театра (в начале войны Большой был поврежден во время бомбежки) не прибавляли им хорошего настроения. Шостакович нервно поглядывал на обновленный плафон с музами во главе с Аполлоном, парящими на фоне аляповато-синего неба. Позднее он вспоминал, что думал в этот момент с тоской: «Хорошо бы, мой гимн приняли. Была бы гарантия того, что не посадят».

Среди исполнителей гимнов-претендентов были ведущие певцы Большого театра. Один из них утверждал впоследствии, что гимны Прокофьева, Шостаковича и Хачатуряна не произвели на ко-

не Сталина устраивал торжественный «Гимн партии большевиков», сочиненный Александровым еще до войны и уже, так сказать, прошедший испытательный срок. Сталин называл эту песню «дредноутом».

После одного из прослушиваний с авансцены объявили: «Шостаковича и Хачатуряна просят в ложу!» Обоих быстро провели в сопровождении охраны в ложу Сталина.

В примыкавшей к ложе небольшой красной гостиной стоял вожь, поодаль — другие члены Политбюро: Молотов, Ворошилов, Микоян, Хрущев — человек десять-пятнадцать. Шостако-

Позднее он вспоминал, что думал в этот момент с тоской: «Хорошо бы, мой гимн приняли. Была бы гарантия того, что не посадят»

миссию благоприятного впечатления. На самом деле ситуация была более сложной. Сталин сразу выделил гимны Шостаковича и Хачатуряна, оценив их по десятибалльной системе высшим баллом. Те написали по несколько вариантов и даже один совместный гимн, специально по заказу вожь, верившего в плодотворность коллективного метода работы. Сталин высказался в том смысле, что только в гимнах у Шостаковича и Хачатуряна он слышит что-то свое, оригинальное; у остальных получились большей частью традиционные марши. Но Сталин также понимал, что в государственном гимне оригинальность — не главное. Гимн в первую очередь должен лапидарно выражать политическую установку государства, он должен быть легко запоминающимся и удобным для исполнения. Как выразился Сталин, новый гимн должны понимать все — «от пионеров до пенсионеров». В этом пла-

вич, знавший их всех по портретам и обладавший феноменальной памятью, вежливо поприветствовал каждого: «Здравствуйте, Иосиф Виссарионович! Здравствуйте, Вячеслав Михайлович! Здравствуйте, Климент Ефремович! Здравствуйте, Анастас Иванович! Здравствуйте, Никита Сергеевич!» Это понравилось Сталину. «Мы робких не любим, но мы и нахалов не любим», — говорил он.

Теперь они с любопытством рассматривали друг друга: невысокий, широкоплечий, с лицом, изрытым следами опы, разглаживающий свои знаменитые, уже посеребренные проседью усы вожь — и самый знаменитый «серьезный» композитор его страны, в очках, с вечным юношеским хохолком на голове и обманчивым видом первого ученика, нервно готовящегося оттарбанивать выученный урок.

Обращаясь к Шостаковичу, Сталин сказал: «Ваша музыка очень хороша, но что поде-

лать, песня Александрова более подходит для гимна по своему торжественному звучанию». Затем он повернулся к своим соратникам: «Я полагаю, что следует принять музыку Александрова, а Шостаковича...» (Тут вожь сделал паузу; композитор позднее признавался одному своему знакомому, что уже готов был услышать — «а Шостаковича вывести во двор и расстрелять»). Но вожь закончил иначе: «А Шостаковича — поблагодарить».

Затем Сталин обратился к присутствовавшему тут же Александрову: «Вот только у вас, профессор, что-то с инструментровкой неладно». Александров начал оправдываться: дескать, из-за отсутствия времени он поручил выполнить оркестровку своему заместителю Виктору Кнушевицкому, а тот, видно, схалтурил. Внезапно Шостакович взорвался и прервал Александрова: «Как вам не стыдно, Александр Васильевич! Вы же отлично знаете, что Кнушевицкий — мастер своего дела, инструментует замечательно. Вы несправедливо обвиняете своего подчиненного, да еще за глаза, когда он вам не может ответить. Постыдитесь!»

Воцарилось молчание. Все замерли, ожидая реакции Сталина на столь необычную вспышку. Сталин с интересом поглядывал то на Шостаковича, то на смутившегося Александрова. И наконец, заметил: «А что, профессор, неплохо получилось...»

Цель Шостаковича была достигнута: Кнушевицкий был спасен от разжалования и, возможно, даже от ареста. Молотов спросил Шостаковича: «А ваш гимн тоже инструментовал Кнушевицкий?» И получил убежденный ответ, что композитор должен оркестровать свои сочинения сам.

Когда музыканты покинули комнату, Сталин, обращаясь к Молотову, заметил: «А этот Шостакович, кажется, приличный человек...» Учитывая разницу эпох и ситуаций, это можно было считать эквивалентом объявления Николаем I Пушкина «умнейшим человеком в России».

Постановлением правительства песня Александрова была провозглашена государственным гимном Советского Союза. Впервые он прозвучал по московскому радио 1 января 1944 года.

А на другой день художник и фотограф Александр Родченко, оплакивая конец авангардного искусства в России, записал в своем потаенном московском дневнике:

«Сегодня играли новый гимн композитора Александрова. Очень интересный... Других нет.

Ведь не Шостаковичу же давать или Прокофьеву?

К тому же он «истинно» русский...»

Новую книгу Соломона Волкова «Шостакович и Сталин», вышедшую в Америке, Англии и Германии, выпускает издательство «ЭКСМО».

5+